

многочисленным на русских землях Великого княжества Литовского. Благодаря сохранившемуся в составе 4-й книги Метрики реестру смоленских князей, бояр и слуг³⁵, который можно датировать второй половиной 1480-х гг., у нас есть возможность оценить общую численность местного боярства. В силу неустойчивости «фамилий» вплоть до начала XVI в., эти подсчеты носят, конечно, приблизительный характер. В реестре перечислено 136 боярских семейств (не считая путных бояр и щитных слуг); 11 человек ни к одному известному роду отнести не удалось. По актам конца XV — начала XVI в. к упомянутым в реестре родам следует добавить еще свыше 30 фамилий. Нужно, однако, учесть, что некоторые фамилии (например, Богоделчины, Смокровы, Цалцовы и др.) кроме реестра 1480-х гг. более ни в одном источнике не встречаются. В качестве ориентировочной оценки можно, вероятно, принять, что в Смоленске на рубеже XV—XVI вв. было порядка полутора ста боярских родов³⁶.

Нужно учесть, что смоленское боярство было неоднородным. На протяжении XV в. здесь выделяется верхушка: самые богатые и влиятельные бояре, получавшие щедрые великокняжеские пожалования. К ним в первую очередь можно отнести клан Ходыкиных. Начало их земельным владениям было положено пожалованиями великих князей Сигизмунда и Казимира, в 30—40-х гг.³⁷ К началу XVI в. сыновья Ходыки Басича и его братьев (см. схему 9) занимали одно из первых мест среди смоленского боярства. К числу виднейших бояр, также не обойденных милостями государей, принадлежали и Басины, Кривцовы, Кошки (Кошкины), Полтевы, Плюсковы, Свиридоновы: их имена часто мелькают в актах в связи с пожалованиями или земельными тяжбами³⁸. Представители этих же родов держали и смоленские «уряды», в частности, окольниковство и городничее (например, в начале XVI в. одним из окольников был Иван Кошка, именовавшийся даже «паном», а городничим — Занько Полтев)³⁹.

Но наряду с верхушкой в смоленском боярстве были и другие слои: известно немало боярских фамилий, упомянутых только в реестре 80-х гг. (Андреяновы, Апраксины, Богатищевы,

³⁵ РИБ. Т. 27. Стб. 477—508.

³⁶ Данные о персональном составе смоленского боярства см. в Приложении III.

³⁷ РИБ. Т. 27. Стб. 41—42, 47, 65, 428.

³⁸ Например, Басины: РИБ. Т. 27. Стб. 191, 192, 201, 235, 258, 259, 280, 296, 304, 442, 655, 663.

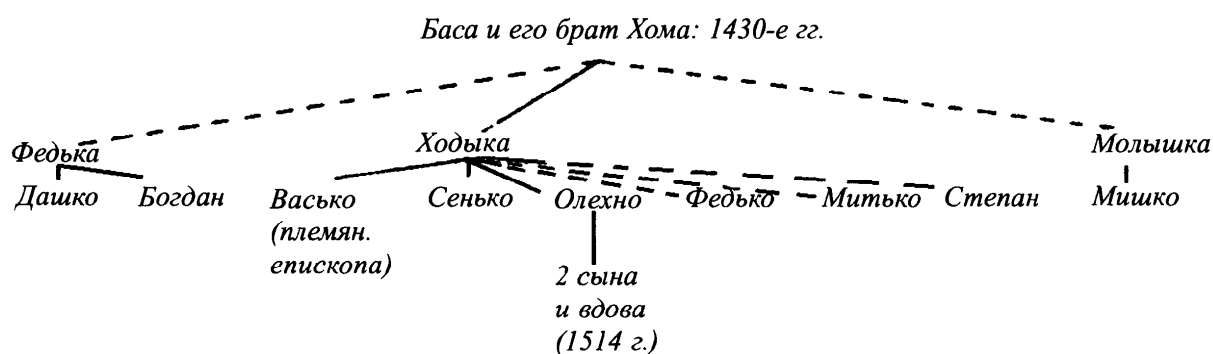
³⁹ ЛМ. Кн. 8. Л. 331, 467 (опубл.: ЛМ. Кн. 8. Р. 329, 419).

Богоделчины и др.). Отсутствие их имен в актах Метрики свидетельствует о том, что в описываемое время пожалований они не получали.

Наконец, самым низшим слоем служилого люда Смоленского повета являлись путные бояре, щитные и доспешные слуги, помещенные в реестре 1480-х гг. после центрального списка под особыми рубриками (в приведенные выше подсчеты численности смоленского боярства этот низший и самый многочисленный разряд служилого люда мы не включили).

Схема 9

Боярский клан Ходыкиных (1430-е — 1514 г.)⁴⁰

Позиция, занятая верхушкой смоленского боярства в русско-литовском конфликте, ярко проявилась уже в конце XV в., когда она активно пыталась удержать литовское господство в верховских городках. Как мы помним, при взятии зимой 1493 г. Мезецка и Серпейска воеводы Ивана III захватили в плен многих «смолян двора великого князя Александра», в том числе окольного Кривца и боярина Ивана Плюскова⁴¹. Вернувшись после заключения мира 1508 г. домой, пленные получили жалование из господарской казны; среди них упомянуты смоленские бояре Богдан Григорьевич, Васько Жаба, Ивашко Садлов, доспешный слуга Данил Некрашов и др.⁴² Они могли попасть в плен в верховских городках в 90-х гг. или в Ведрошской битве 1500 г.

⁴⁰ Сост. по: РИБ. Т. 27. Стб. 428, 478; *Кашировский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522). Нежин, 1899. Прил. № 2. С. 125.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 24. С. 210.

⁴² ЛМ. Кн. 8. Л. 323, 468—468 об. (опубл.: ЛМ. Кн. 8. Р. 419—420).

Когда в 1514 г. Василий III овладел, наконец, Смоленском, он, по словам Архангелогородского летописца, «волю дал» сидевшим в осаде служилым людям: «И которые похотели служить великому князю, и тем князь великий велел дать жалованье по 2 рубля денег да по сукну по лунскому и к Москве их отпустил. А которые не похотели служить, а тем давал по рублю и к королю отпустил»⁴³. О том, что очень многие бояре выбрали второе и «отъехали» к королю, свидетельствует составленный в декабре 1514 г. список розданных смоленским боярам в Литве хлебокормлений⁴⁴. В этом списке перечислено свыше ста человек, среди них — четверо князей и примерно 50 смоленских боярских фамилий. В истории боярских «отъездов» этот, пожалуй, был самым впечатляющим. Бояре выехали в Литву целыми кланами: упоминаются братья и даже вдовы с малолетними сыновьями. Здесь цвет смоленского боярства: Плюсковы (в том числе уже известный нам И. Ф. Плюсков, оборонявший от московских войск верховские городки), Полтевы, Казарины, Кривцовы и, конечно, Ходыкины (на схеме 9 выделены имена выехавших в 1514 г. в Литву). Этим, однако, не исчерпывается число тех, кто предпочел службу в Великом княжестве Литовском: в актах Метрики первой половины XVI в. встречаются имена представителей по меньшей мере двух десятков родов смоленского боярства, не упомянутых в списке раздачи кормлений 1514 г.⁴⁵ Время их выезда в Литву остается неизвестным: они могли воспользоваться разрешением Василия III летом 1514 г., но могли и бежать из Смоленска после раскрытия там осенью того же года пролитовского заговора.

Выше уже говорилось о невероятности официальной версии этого заговора, отразившейся в большинстве летописей, будто епископ Варсонофий был единственным участником заговора, а смоляне всем городом выдали его московскому наместнику. Кстати, в самом этом тенденциозном рассказе есть деталь, позволяющая определить ту среду, в которой созрел заговор: летописи сообщают, что владыка, решив предать город королю, отправил к тому «племянника своего Васка Ходыкина с писанием»⁴⁶. Зна-

⁴³ ПСРЛ. Т. 37. С. 101.

⁴⁴ ЛМ. Кн. 7. С. 1171—1174. Оpubл.: *Кашировский Е. И.* Борьба... Прил. 2. С. 123—127 (с неверной датировкой «1515 г.»).

⁴⁵ Весь собранный материал о судьбе смоленского боярства после 1514 г. приведен в Приложении III.

⁴⁶ ИЛ. С. 165. Так и в др. летописях: ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 256; Т. 13. СПб., 1904. С. 22 и др.

чит, Варсонофий состоял в родстве с боярами Ходыкиными, а последние, как мы уже знаем, в декабре 1514 г. оказались в Литве. Поэтому можно с уверенностью говорить о причастности к этому пролитовскому заговору боярской верхушки. С этим согласуется известие Архангелогородского летописца о том, что владыка замыслил измену «со князьями смоленскими и с паны»⁴⁷. Наблюдения над словоупотреблением этой летописи показывают, что «паны» обозначают служилых людей Великого княжества Литовского вообще, а термин «бояре» употребляется там только применительно к московскому великокняжескому двору и войску⁴⁸. Итак, указание на «панов», с одной стороны, и упоминание о В. Ходыкине — с другой, выявляют активную роль боярской верхушки в организации заговора и показывают ее пролитовские симпатии. На нее же после раскрытия заговора обрушилась вся тяжесть репрессий: Варсонофий потерял епископскую кафедру, а многие бояре поплатились жизнью: по словам того же Архангелогородского летописца, воевода кн. В. В. Шуйский «начат князеи смоленских и панов вешати з города на ослядех»⁴⁹. Кроме того, оставшиеся в Смоленске бояре были выведены в другие города (подробнее об этом пойдет речь в следующей главе), а часть из них могла присоединиться к своим братьям, отъехавшим ранее в Литву.

В общей сложности в материалах Метрики за первую половину XVI в. сохранились упоминания о примерно 70 боярских семействах, полностью или в лице отдельных представителей перебравшихся из Смоленска в Литовское государство. Это составляет почти половину всех известных нам на рубеже XV—XVI вв. смоленских боярских родов. Чем объяснить столь массовый выезд?

Выше уже отмечалась неоднородность смоленского боярства, и вот среди отъехавших в Литву бояр мы видим его верхний и средний слои, но нет ни одного упоминания о выезде кого-либо из «провинциальных» служилых людей — путных бояр, щитных и доспешных слуг и т.п. Выехали в первую очередь те, кто имел щедрые великокняжеские пожалования, держал городские «уряды» и т.д. Нужно учесть и правовой аспект проблемы: в жалованной грамоте 1505 г. Смоленску было два пункта, содержавшие особые боярские права и привилегии — один из них

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 37. С. 101.

⁴⁸ См. под 7001 и 7009 гг.: поймали много «панов служивых»; здесь же упомянуты московские «боляре» (там же. С. 98, 99).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 37. С. 102.